СОПЕРНИЧЕСТВО США И БРИТАНИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Н.С. Иванов

В статье анализируются узловые моменты противоборства США и Англии в Латинской Америке в XIX – начале XX в. До середины XIX в. Британия безраздельно господствовала в Латинской Америке, используя свое военно-морское могущество и лидерство в научно-техническом прогрессе. Однако с середины века начался «гегемонистский транзит», связанный с бурным экономическим развитием США, вытеснением британцев с латиноамериканского рынка. Основными вехами в падении роли Британии стали ее уступки в ходе мексикано-американской войны (1846–1848), удовлетворении «Алабамской претензии» (1872), арбитражный договор с Венесуэлой (1897), позиция по отношению к испано-американской войне 1898 г., отзыв военно-морского флота из Западного полушария, отказ от доли в Панамском канале.

Ключевые слова: Великобритания, США, Латинская Америка, мексикано-американская война, Гражданская война в США, испано-американская война, «Алабамская претензия», Венесуэльский арбитраж, Мексика, нефть

The article analyzes the key points of the confrontation between the United States and England in Latin America. Until the middle of the 19th century Britain reigned supreme in Latin America, using its naval power and leadership in scientific and technological progress. However, in the middle of the century, the «hegemonic transit» began, associated with the rapid economic development of the United States, the displacement of the British from the Latin American market. The main milestones in the decline of Britain's role were its concessions during the Mexican-American War of 1846–1848, the satisfaction of the «Alabama Claim» (1872), the arbitration treaty with Venezuela (1897), the position in relation to the Spanish-American War of 1898, the withdrawal of the navy from the Western Hemisphere, the refusal of the share in the Panama Canal.

Иванов Николай Серафимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра латиноамериканских исследований Отдела региональных исследований, ФГБун «Институт всеобщей истории РАН».

Key words: United Kingdom, United States, Latin America, Mexican-American War, American Civil War, Spanish-American War, «Alabama Claim», Venezuelan arbitration, Mexico, oil

DOI: 10.32608/1010-5557-2021-2021-126-148

Постановка проблемы

Борьба между Британией и Соединенными Штатами в Латинской Америке стала одной из центральных международных проблем XIX в. Она развивалась по всем направлениям – захват «дикого Запада», постоянные попытки присоединить Канаду (американцы смирились с ее независимым, суверенным статусом лишь после Первой мировой войны), движение на юг – вторжения на мексиканскую территорию, гегемонистские претензии, распространявшиеся на все Западное полушарие.

Внешняя экспансия США вызывала особую тревогу у британских политиков. Известный английский исследователь Р. Хаем пишет: «Один из главных вопросов, стоявший перед британскими государственными деятелями XIX в., заключался в том, кто станет доминирующей державой в Новом Свете – Соединенные Штаты или Великобритания. Британский ответ на этот вызов может быть рассмотрен в трех ипостасях: борьба в Латинской Америке, противодействие территориальной экспансии США и будущее Канады»¹.

Острая борьба между США и Британией стала одним из стержневых моментов в современных концепциях о «гегемонистском транзите». Две основные модели «гегемонистского перехода» изложены в работах И. Валлерстайна и Дж. Модельски². По их заключению, только с 1970-х гг. лидирующая позиция США стала клониться к закату. Этот закат сопровождается чертами, которые были присущи и британской гегемонии в конце XIX в. (а до этого – Римской империи, другим европейским империям) – прежде всего «финансиализацией» экономической жизни, когда на первый план выдвинулись денежные

---

¹ Hyam R. Britain's Imperial Century, 1815–1914: A Study of Empire and Expansion. N.Y., 2002. P. 56.

² Wallerstein I. The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge, 1984; *Idem*. The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis // Comparative Studies in Society and History 1974. Vol. 16. No. 9; Modelski G. The Long Cycle of Global Politics and the Nation-State // Ibid. 1978. Vol. 2. No. 2; The Fall of Great Powers: Peace, Stability, and Legitimacy / Ed. by G. Lundestad. Oxford, 1994.

интересы банкиров, ростовщиков, различных инвестиционных учреждений. С этой точки зрения неомарксистский анализ Валерстайна и Модельски подтверждает выводы В.И. Ленина в труде «Империализм как высшая стадия капитализма» о том, что на последней стадии развития капитализм вырождается в «загнивающий и паразитирующий» финансовый империализм³.

Обширная литература данного направления опирается на идеи о том, что «мировые гегемоны» представляют собой «локомотивы всемирной истории», способствующие прогрессу человечества: работы М. Вебера, идеи Н.Д. Кондратьева о «длинных экономических циклах», выводы А. Тойнби о «длинных циклах» войн, теории А. Органски и др.⁴

Валлерстайн считает, что период «гегемонизма» может длиться недолго — в среднем около 30 лет. Британия же, по его мнению, доминировала дольше других — с 1815 по 1873 г. «Периферию» (эксперты прежде всего рассматривают Латинскую Америку) используют как источник дешевого сырья и рынок сбыта для готовой продукции «гегемона». За счет неравноправной торговли («ножниц цен») происходит обнищание слаборазвитых стран, там зреет протест, для предотвращения которого империя во все большей степени использует насилие и подрывную деятельность, ставя у руля своих марионеток.

Новые технологии, благодаря которым «гегемон» завоевывает мировую власть, неизбежно распространяются по другим странам «ядра», которые начинают успешно противодействовать империи. Она же, обремененная военными расходами для поддержания своего господства и необходимостью подавлять конфликты на «периферии», во все большей степени прибегает к протекционизму, военному шантажу, организации государственных переворотов в странах-конкурентах. В период упадка «гегемон» по-прежнему является одним из ведущих элементов «ядра», но уже утрачивает свое подавляющее экономическое и военное преимущество. Он испытывает постоянную эрозию своего экономического и военного положения и сталкивается с растущим соперничеством со стороны других государств.

В процессе смены гегемонистской системы конфликты могут обостряться и приводить к мировым катаклизмам, развязыванию тотальной войны, как, например, англо-французские войны, которые знаменовали собой переход к доминированию Британии в начале XIX в., или же «британо-американо-германские войны» (Первая и Вторая мировые войны, результатом которых явилась гегемония США к 1945 г.)⁵.

---

³ Ленин В.И. ПСС: в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 27. С. 98–108.

⁴ Tammen R.L., Kugler J. Power Transitions: Strategies for the 21st Century. N.Y., 2000. P. 197.

⁵ Goldstein J.S. Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age. New Haven, 1988; Flint C., Taylor P.J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. N.Y., 2018. P. 45–57.

Долголетние войны (триумф голландцев над Габсбургами в 1618–1648 гг., англичан над французами в 1792–1815 гг. и американцев над Германией в 1914–1945 гг.) завершаются крупнейшей реструктуризацией межгосударственных отношений (Вестфальский мир в XVII в., Венская система международных отношений в XIX в., создание ООН и Бреттон-Вудской системы в XX в.)⁶.

Характерной чертой, подмеченной Валлерстайном, стало то, что в историческом процессе «транзита» старый лидер чаще всего становится «младшим партнером» нового гегемона (Соединенные Провинции как основной партнер в эпоху возвышения Британии, и Великобритания как «младший партнер» США)⁷.

Переход от британской гегемонии к американской стал, по мнению ряда исследователей, одним из самых сложных за всю историю подобных «транзитов», поскольку он включал в себя множество международных конфликтов: между Британией и США (в основном в области экономики и торговли), между военными союзами (Англия, США и Советский Союз против Германии и Японии).

Спецификой перехода стала активная деятельность транснациональных компаний, которые начали появляться в мировой экономике в начале 1900-х гг. Они резко отличались от традиционных компаний, ассоциировавших себя со «своим» государством или нацией. Проводя свою деятельность в различных странах мира, они стремились доминировать над политикой государств, в которых вели бизнес, и манипулировать ими, причем «транснациональное структурирование» в них было верх над национальной (государственной) принадлежностью⁸.

Борьба между угасающей Великобританией и растущими США, пишут эксперты, приобрела характер прежде всего экономической войны (сравнимой по многим параметрам с англо-голландским «транзитом» середины XVII в.). Стандартное утверждение историков и политологов состоит в том, что США стали «глобальным гегемоном» после победы союзников во Второй мировой войне в 1945 г. На примере ожесточенного противоборства между США и Англией в Латинской Америке представляется, что этот «транзит» начался уже с середины XIX в.

---

⁶ *Wallersten I.* The Politics of the World-Economy... Весьма характерно, что Валлерстайн даже не упоминает о том, что во втором и третьем «транзите» победу в войнах одержала Россия (СССР). Видимо, он согласен с тем, что все «триумфы» достаются победившему «гегемону», который волен перелицовывать на свой лад мировую историю.

⁷ *Ibid.* P. 42–43.

⁸ *Huntington S.P.* After Containment: The Functions of the Military Establishment // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1973. March; *Stiglitz J.E.* Multinational Corporations: Balancing Rights and Responsibilities // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). 2007. Vol. 101. March.

Соперничество в первой половине XIX в.

После принятия Декларации о независимости 1776 г. английские колонии, ставшие государствами в рамках конфедерации, вели войну с бывшей метрополией, которая завершилась подписанием в 1783 г. Парижского договора, признавшего их независимость. До начала XIX в. влияние США на Латинскую Америку было минимальным, поскольку американцы были заняты внутренней консолидацией общества, борьбой между федералистами и антифедералистами; «английской» партией (А. Гамильтон), ориентировавшейся на английскую политическую модель, и «французской» (во главе с Т. Джефферсоном).

В эпоху Наполеоновских войн США придерживались нейтралитета, декларацию о котором Дж. Вашингтон подписал в 1793 г. Учитывая огромную роль Британии в экономике США и необходимость поддержания мира с могущественной империей, в 1794 г. американцы заключили в Лондоне «Договор о дружбе, торговле и навигации», в котором провозглашались «нерушимый и всеобщий мир и подлинная и искренняя дружба» между двумя странами.

При этом, как пишет ведущий российский американист В.В. Согрин, «Великобритания не упускала случая, чтобы наказать США за выход из империи»⁹. Английские военные корабли захватывали американские торговые суда, грубо нарушали международное право, что послужило причиной объявления Вашингтоном войны бывшей метрополии в 1812 г.¹⁰

Немалую роль в этом сыграли и американские «ястребы», которые надеялись на то, что в условиях европейской войны и ослабления сил Англии в Новом Свете, можно будет поживиться за счет территории Канады и Флориды. В конфликте, который длился три года, одним из центральных эпизодов был захват англичанами столицы США, когда в августе 1814 г. их флотилия поднялась по р. Потомак к Вашингтону, и высадившийся десант обратил в бегство американских ополченцев, захватил большую добычу, сжег Капитолий и Белый дом.

Однако события в Европе, прежде всего, борьба с Наполеоном, вынудили Лондон завершить войну с США подписанием Гентского договора, который признал довоенные границы. В американской историографии это столкновение получило название «второй Войны за независимость». Договор, трактуемый Вашингтоном как «победа

---

⁹ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. С. 33.

¹⁰ Там же.

над самой могущественной империей мира», вызвал прилив патриотических настроений в американском обществе, стремление к экспансии в Южную Америку, призывам блокировать вмешательство европейцев в дела Нового Света.

Как США, так и Англия придерживались «нейтралитета» в конфликте между Испанией и ее мятежными колониями. Англичане даже предложили Мадриду выступить «посредником» между Испанией и ее колониями¹¹. Эта позиция отличалась лицемерием.

Все акты, законы и громкие заявления были не более чем маскировкой, за которой скрывались намерения подорвать власть Испании в Новом Свете. В портах Нового Орлеана и Атлантического побережья американцами продавались военные грузы и снаряжались корабли для южноамериканских повстанцев, набирались моряки и волонтеры прямо на виду у местных чиновников¹². Дж.К. Адамс как-то обмолвился, что Балтимор стал настоящим центром совместных действий частных лиц и правительственных чиновников, энергично занимавшихся торговлей оружием с колонистами, снаряжением пиратских кораблей для налетов на испанские суда и полностью игнорирующих закон о нейтралитете¹³.

Британцы были еще более далеки от соблюдения «нейтралитета», особенно когда в Южной Америке дело дошло до боевых действий. Практически с самого первого дня боев в Войне за независимость британские морские офицеры и моряки служили во флотилиях повстанцев. Затем, когда Наполеоновские войны подошли к концу и экономика Англии пошла на спад, молодые британские и ирландские мужчины поехали в Латинскую Америку в поисках работы по профессии, которую они получили в ходе боев. Только в 1818 г. шесть крупных британских экспедиционных сил были нелегально переброшены на северное побережье Южной Америки. Там их объединили в «Британский легион». Его ряды состояли из закаленных

---

¹¹ *Rydjord J.* British Mediation between Spain and Her Colonies: 1811–1813 // *Hispanic American Historical Review*. 1941. No. 21. P. 34–40; Castlereagh to Wellesley, April 1, 1812 // Webster Ch.K. Britain and the Independence of Latin America, 1812–1830. Selected Documents from the Foreign Office Archives: in 2 vols. N.Y.; London, 1938. Vol. 2. P. 309–316; Instructions to the Commissioners of Mediation to Spanish America, April 2, 1812 // *Ibid.* P. 317–321.

¹² *Niles Weekly Register* (Baltimore). 1818. January 31. P. 371; *Lockey J.B.* Pan-Americanism and Imperialism // *The American Journal of International Law*. 1938. Vol. 32. No. 2. P. 233–235.

¹³ *Adams J.Q.* Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of his Diary from 1795 to 1848: in 12 vols. / Ed. by Ch.F. Adams. Philadelphia, 1875. Vol. 4. P. 318; *May E.* The Making of the Monroe Doctrine. Cambridge (Mass.), 1975. P. 63; John Quincy Adams to John M. Forbes, July 5, 1820 // *U.S. Congress. American State Papers, 1789–1838: Legislative and Executive, Foreign Relations*. Wash. (D.C.), 1834. Vol. 4. P. 820.

в боях и дисциплинированных бойцов, которыми командовали опытные офицеры. Легион исправно служил под началом С. Боливара.

Британские и ирландские войска сражались в каждом регионе Южной Америки, где бушевала война. Английское оружие и военное снаряжение тем временем открыто прибывали на военных кораблях и торговых судах. Поддержка Британией освободительной борьбы колоний, особенно военные действия их солдат, офицеров и моряков, а также снабжение войск оружием и амуницией, были на виду у всех, и их присутствие убеждало повстанцев в том, что не Соединенные Штаты, а именно Англия была их «истинным другом»¹⁴.

Лондон, имея за спиной самый мощный в мире «королевский флот», действовал решительно, как только почувствовал значительный перевес сил освободительного движения. Уайтхолл снял с себя «все ограничения нейтралитета» (они существовали лишь на бумаге) и сообщил об этом своему «союзнику» Испании; кроме того, правительства Франции и других стран, входивших в Священный Союз, были уведомлены о том, что Британия не допустит их вмешательства в дела Нового Света на стороне Мадрида¹⁵.

Недовольство деятелей освободительного движения вызывала нерешительная прагматическая позиция США. Боливар обвинил Вашингтон в том, что тот больше всего озабочен «ведением конторского учета и арифметикой политического бизнеса, чем помощью освободительным силам»¹⁶. После войны лучшие «стартовые условия» оказались у Британии.

США же стремились поправить свои позиции, признав на дипломатическом уровне новые государства, а затем изложив свое идеологическое и политическое кредо в ежегодном послании президента Дж. Монро в 1823 г. («доктрине Монро»). Западное полушарие объявлялось зоной, закрытой для вмешательства европейских держав.

Имперские амбиции проявились в политике США с начала XIX в. Американский историк А. Уитекер считает, что вопреки сложившемуся убеждению идея «Западного полушария» служила не столько для поддержания и функционирования политической структуры меж-

---

¹⁴ *Temperley H.W.V.* The Foreign Policy of Canning, 1820–1827 // The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919 / Ed. by A.W. Ward, C.P. Gooch. N.Y., 1923. P. 76; O’Handy C. Purser of the United States Ship «John Adams» to John Quincy Adams, Washington, September 29, 1819 // Manning W.R. Early Diplomatic Relations between the United States and Mexico. Baltimore, 1916. P. 1178–1182.

¹⁵ Memorandum of a Conference between the Prince Polignac and Mr. Canning // Webster Ch.K. Op. cit. Vol. 2. P. 115–120; *Kaufmann W.W.* British Policy and the Independence of Latin America. New Haven, 1951. P. 167–171.

¹⁶ *Bolívar S.* Cartas del Libertador / Ed. by V. Lecuna. 12 vols. Caracas, 1929–1959. Vol. 2. P. 157.

американских отношений и их географического положения, сколько для олицетворения «специфического подхода к мировой политике, призванного закрепить доминирующие позиции США в этом регионе»¹⁷. Он определил интеллектуальные истоки концепции «Западного полушария» в первые два десятилетия XIX в. в стремлении Т. Джефферсона исключить европейское влияние из Америки и его известной идее Америки как «полушария в себе и для себя»¹⁸.

В доктрине не учитывались чаяния народов Южной Америки на суверенное развитие, равноправие в международных отношениях. В дневниках Дж.К. Адамса (истинного автора «доктрины Монро») содержится следующая запись, датированная 19 сентября 1820 г.: «Что касается американской системы, то она полностью и исключительно образуется нами самими. Между Северной и Южной Америкой не существует ни общности принципов, ни единства интересов»¹⁹.

Власти США пытались в рамках «доктрины Монро» обеспечивать патрулирование Атлантического и Тихоокеанского побережья Америки. Была создана тихоокеанская военно-морская база, Вест-Индская эскадра, в 1826 г. департамент ВМФ создал Южноатлантическую эскадру для патрулирования восточного побережья Южной Америки. Таким образом, три из четырех эскадр действовали у побережья Южной Америки. Местом дислокации четвертой стало Средиземное море²⁰.

Однако англичане презрительно называли «доктрину Монро» и попытки патрулирования побережья континента «бумажной блокадой». США не имели реальной возможности противостоять Британии — бесспорной лидирующей империи мира, «владычице морей» и «мастерской мира». Английские корабли не брезговали пиратством и довольно часто останавливали и грабили американские торговые суда.

Перевес сил на стороне Британии был столь значительным, что она могла практически не обращать внимания на действия «конкурентов» не только в торговле, но и во всех других вопросах, включая перекройку государственных границ латиноамериканских государств. Британия была экономическим «гегемоном» даже в самих Соединенных Штатах.

---

¹⁷ Whitaker A.P. The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca (N.Y.), 1954. P. 6.

¹⁸ Ibid. P. 27–29.

¹⁹ Adams J.Q. Diary. Vol. 31. September 19, 1820 // Massachusetts Historical Society (<http://www.masshist.org/publications/jqadiaries/index.php/document/jqadiaries-v31-1820-09-19-p412>).

²⁰ Whitaker A.P. The United States and the Independence of Latin America, 1800–1830. N.Y., 1964. P. 287–288; Sprout H., Sprout M. The Rise of American Naval Power, 1776–1918. N.Y., 1990. P. 95.

Известные британские деятели XIX в. Дж. Стюарт Милль и Э. Уэйкфилд («теорию колонизации» которого подробно рассматривал К. Маркс в первом томе «Капитала») считали, что «вместо двух отдельных экономик существовала единая Атлантическая экономика»²¹. В известной работе «Взгляд на искусство колонизации» (1849) Уэйкфилд пишет, что США «по-прежнему являются колонией Англии» в том смысле, что они полностью зависят от торговых отношений с Альбионом и потока иммигрантов оттуда²².

Англичане доминировали в текстильной, скобяной, железорудной и других отраслях промышленности самих США. В 1838 г. около половины облигаций хлопковых плантаций на Юге Соединенных Штатов находилось в руках британских банкиров и предпринимателей. Английские аристократы (такие как Т. Тинн, 2-й маркиз Бат) вкладывали огромные средства в захваченные американцами земли на «диком Западе», инвестировали капиталы в создание скотоводческих хозяйств, строительство железных дорог.

Помимо того, Британия была главным рынком сбыта для Соединенных Штатов. В течение большей части XIX в. во внешней торговле Америки хлопок занимал непререкаемые лидирующие позиции, и на Британию приходилось в среднем около 70% американского экспорта этого товара. В 1860 г. общий объем американского экспорта составил 400 млн долл., из которых 169 млн долл. пришлось на Великобританию, и из них 155 млн долл. было выручено за счет продажи хлопка, что составляло почти 40% от общего объема американского экспорта. Значительными были поставки в Англию зерна, в Британию поступало более 90% табака из Соединенных Штатов²³.

Хотя США пытались пробиться на перспективный латиноамериканский рынок, они были поначалу в разных «весовых категориях» по сравнению с британцами. Англия находилась на гораздо более высоком уровне промышленного развития и могла просто не замечать усилий американцев. Если Туманный Альбион поставлял в Южную Америку широкий спектр готовых промышленных изделий, то Соединенные Штаты, несмотря на свой значительный экономический рост, все еще жили за счет ферм, лесов и рыболовства. Основным товаром США на латиноамериканском рынке была пшеничная мука.

Дж.К. Адамс, известный своей неприязнью к Британии, был вынужден признать в своем дневнике в июне 1822 г.: «Несмотря на все

---

²¹ *Mill J.S. Considerations on Representative Government. London, 1861. P. 404; Wakefield E.G. England and America. A Comparison of the Social and Political State of Both Nations. London, 1833. Vol. 2. P. 33.*

²² *Wakefield E.G. A View of the Art of Colonisation. London, 1849.*

²³ *U.S. Census Bureau. Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1957. Wash. (D.C.), 1960; Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1975. N.Y., 1980.*

наши усилия, торговля с Южной Америкой гораздо более выгодна для Великобритании, чем для нас, и она занимает значительное более важное место для стран региона, чем наша, по той простой причине, что Британия имеет возможность удовлетворять потребности новых государств продукцией своих мануфактур. У нас же нет таких возможностей, чтобы конкурировать с их поставками»²⁴.

Латинской Америке изначально была определена роль сырьевого придатка Британии. Пользуясь слабостью колоний в первоначальный период после освобождения, британцы всячески поощряли сепаратизм и благодаря их усилиям континент был разбит на «управляемые» страны. Англичане не скупились на кредиты и займы, чтобы затянуть долговую удавку на шее молодых государств. И, наконец, всячески тормозили промышленное развитие и прежде всего создание латиноамериканцами своего флота. А без него возможность какой-то игры на противоречиях между имперскими державами была сведена к нулю²⁵.

Совокупное воздействие внешних заимствований и политики «свободной торговли» стало основополагающим инструментом нового способа колониального подчинения латиноамериканских стран, который применялся в XIX в. В британской литературе принято взваливать всю вину за экономические неурядицы в Латинской Америке в 1820–1830-е гг. на самих же латиноамериканцев — их «прирожденную лень», «анархизм» и гражданские войны, которые в большинстве случаев подогревались британцами²⁶. На самом же деле крупнейшим потрясением для новых государств стал мировой финансовый кризис 1825 г., который разразился на лондонской бирже. Для латиноамериканцев жизненно важное значение имело получение кредитов для восстановления экономики, и их обеспечила лондонская фондовая биржа под огромные проценты. Спрос на венчурный капитал породил в Лондоне волну афер и спекуляций, создание финансовых пирамид, связанных с покупкой и продажей латиноамериканских облигаций и акций. В декабре 1825 г. спекулятивный пузырь, который раздувался в течение нескольких лет, лопнул. Паника на Лондонской фондовой бирже и последующий кризис вызвали крах сотен банков, закрытие множества предприятий и фабрик (до кризиса обладавших несомненной кредитоспособностью и платежеспособностью), колоссальный рост безработицы, резкое падение экономики и междуна-

---

²⁴ *Adams J.Q. Memoirs of John Quincy Adams. Vol. 6. P. 26.*

²⁵ J.M. MacPherson to Van Buren, Cartagena, December 14, 1829; Charles M. Ricketts to Canning, Lima, December 27, 1826 // *British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America, 1824–1826* / Ed. by R.A. Humphreys. London, 1940. P. 137–140.

²⁶ *Britain and Latin America: A Changing Relationship* / Ed. by V. Bulmer-Thomas. Cambridge, 1989; *British Consular Reports. P. 107–206.*

родной торговли. После Лондона и Парижа кризис распространился на другие европейские страны, затем на США и государства Латинской Америки²⁷.

Удивительно то, что в течение некоторого времени в отличие от европейских стран латиноамериканские государства все еще продолжали честно выплачивать свои долги. Однако к 1828 г. все латиноамериканские страны, от Мексики до Аргентины, объявили о дефолте. Для некоторых стран приостановка платежей длилась от пятнадцати до тридцати лет.

На фоне экономических и финансовых неурядиц в Англии конкурентные позиции США начали постепенно выравниваться за счет динамичного развития американской экономики и внешней торговли. Немалую роль в этом сыграл приток квалифицированной рабочей силы из Британии. По подсчетам демографов, за сто лет (1815–1914) более 21 млн британцев эмигрировали за рубеж, и из них более половины – в США. В самой Британии численность населения составляла в середине XIX в. около 20 млн человек, и к концу века возросла до 34 млн человек. Этот поток был самым мощным в первой половине XIX в. Только за период 1820–1830 гг. 25% иммигрантов в США прибыли из Англии и более 50% из Ирландии, т.е. две трети переселенцев в США были родом из Британии²⁸. Первые этапы индустриализации в США были бы невозможны без навыков, приобретенных у иммигрантов из Англии – квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала²⁹.

В 1850 г. Британия все еще доминировала в импорте стран Латинской Америки (почти 50% от всего объема импорта)³⁰. Однако ситуация уже была близка к паритету, а затем стала быстро меняться в пользу США с ростом их торговой и военно-политической экспансии. Уже к середине XIX в. Англия, несмотря на всю мощь своего флота и все еще неоспоримые позиции лидера в научно-техническом прогрессе, с опаской относилась к Соединенным Штатам. Это ярко проявилось в целой серии событий, связанных с американо-мексиканской войной 1846–1848 гг.

Верная своей тактике поощрения сепаратизма, Британия не возражала против расчленения Новой Испании – огромной колонии,

---

²⁷ *Marichal C.* A Century of Debt Crises in Latin America: From Independence to the Great Depression, 1820–1930. Princeton, 1989.

²⁸ United States Department of Commerce. Bureau of Census. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash. (D.C.), 1975. P. 106.

²⁹ *Fitton R.S.* The Arkwrights: Spinners of Fortune. Manchester, 1989; *Knowles A.K.* Calvinists Incorporated: Welsh Immigrants on Ohio's Industrial Frontier. Chicago, 1997.

³⁰ *Bulmer-Thomas V.* British Trade with Latin America in the Nineteenth and Twentieth Centuries // University of London. Institute of Latin American Studies. Occasional Papers. No. 19. London, 1998. P. 4.

существовавшей почти три столетия и располагавшейся на территории современной Мексики, юго-западных штатов США и Флориды, Центральной Америки, Кубы и Филиппин. Эти земли, за исключением Кубы и Филиппин, были утеряны Мадридом в 1821 г. в ходе Войны за независимость, и там были созданы независимые государства. Граница между Мексикой и США была установлена в договоре Адамса—Ониса, подписанном в феврале 1819 г.

Британия выступала за независимость Техаса, против его присоединения к США, опасаясь роста могущества своего основного конкурента и пытаясь создать там «буферную зону». Однако у англичан не было уже напора, изобретательности, предприимчивости, которые были характерны для начала века. Правительство Р. Пиля прекрасно осознавало, что присоединение Техаса к США поставит на повестку дня другие аннексии мексиканской территории, прежде всего Калифорнии, и алчные взоры американцев обратятся также на принадлежавший Британии Орегон. Однако опасение перед возросшей мощью США было так сильно, что англичане не мыслили себе никаких обострений отношений без союза с Францией, осознавая при этом, что этот союзник весьма ненадежен.

Этот водораздел в англо-американских отношениях, свидетельствующий о возникновении военно-политического паритета, отразил американский посол в Париже У. Кинг в секретной депеше от 28 декабря 1844 г. госсекретарю Дж. Кэлхуну:

«В вопросе о присоединении Техаса не должно быть никаких колебаний. Рычание британского льва должно только побуждать нас к немедленным действиям. Колебаться в нашем курсе из опасения враждебности Британии, значило бы опозорить нас в глазах всей Европы. После того как акт (о присоединении Техаса) будет подписан, Англия начнет жаловаться, может быть, она даже будет угрожать, и ее газеты будут расточать свои оскорбления, но на этом все и закончится; ибо при всем своем могуществе Британия осознает, что война с нами нанесет ей больший ущерб, чем с какой-либо другой страной. Она не станет рисковать своим положением. Я знаю, что она прилагает все усилия, чтобы склонить Францию к общему выступлению по поводу Техаса, и что господин Гизо весьма склонен к этому, но это также не удастся. Совместные действия против нас потрясли бы французскую нацию, которая ненавидит всякие союзы с Англией, а король слишком мудр и благоразумен, чтобы поставить себя в положение, которое в итоге привело бы к падению его династии»³¹.

---

³¹ King to Calhoun, December 28, 1844 // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1899. Wash. (D.C.), 1900. Vol. II. P. 1014.

В декабре 1845 г. Британии пришлось испытать «чашу унижения» после утверждения в Конгрессе США закона о присоединении Техаса к Соединенным Штатам. Но на этом цепь дипломатических и политических поражений англичан не закончилась. В январе 1846 г. они были вынуждены подписать Орегонский договор, который отдавал земли, находившиеся в совместном американо-британском владении, Соединенным Штатам. Причем под давлением Вашингтона граница была установлена не по широте 42° с.ш. (на чем настаивали британцы), а 49° с.ш., предложенных американцами.

В мексикано-американской войне 1846–1848 гг. Британия была обречена играть роль «нейтральной державы», наблюдая, как рушатся ее планы создания «независимой Калифорнии», и к землям ее основного конкурента отходит более половины территории Мексики. Лондону пришлось довольствоваться ролью посредника в заключении мирного договора, по которому США захватили 2,3 млн кв. км мексиканской территории, увеличив площадь своей страны более чем на 30%, благодаря чему сразу же вошли в число ведущих держав мира.

Переход к новому гегемону. Вторая половина XIX — начало XX в.

Во второй половине XIX в. чаша весов в соперничестве склонилась в пользу США. В начале 1860-х гг., отмечает Г. Фуллер, шла активная борьба за военно-морское господство, и в 1866 г. США в этой важнейшей сфере почти сравнялись с Британией³². В годы Гражданской войны в США (1861–1865) британцы могли еще диктовать свои условия, пользуясь тем, что производили лучшие в мире военные корабли типа «Warrior». Военно-морское превосходство Британии заставило северян вернуть дипломатов Конфедерации, направлявшихся в Англию для переговоров о помощи южанам в Гражданской войне, которые были сняты с британского почтового пакетбота «Трент» в ноябре 1861 г. Этот эпизод стал, по мнению историка Фуллера, «самой мрачной страницей <...> во взаимоотношениях между Британией и США на протяжении всей Гражданской войны»³³. Несмотря на то что представителей южан отпустили в 1862 г., они не смогли добиться от Англии, терявшей свою былую мощь, дипломатического признания Конфедерации.

---

³² Fuller H.J. Clad in Iron: The American Civil War and the Challenge of British Naval Power. Westport, 2008.

³³ Ibid. P. 69.

США смогли в кратчайшие сроки выровнять положение (прежде всего благодаря огромному притоку инвестиций из Британии, стимулируемых канцлером казначейства, а затем премьер-министром Б. Дизраэли), и уже к 1865 г. сблизились с соперником, создав мощный военно-морской флот. Броненосец высшего класса («монитор») «Монаднок» был отправлен в 1866 г. в качестве корабля береговой охраны залива Сан-Франциско, и его маршрут вокруг Латинской Америки, мыса Горн стал демонстрацией военно-морского влияния США в Западном полушарии. Обладание сильным флотом имело в те времена такое колоссальное значение, что сразу после окончания Гражданской войны Соединенные Штаты использовали его для получения геополитических выгод. Американские торговцы могли не опасаться налетов британских каперов.

США заставили англичан оплатить денежные претензии, связанные с рейдерством корабля конфедератов «Алабама» во время Гражданской войны. «Алабамская претензия» распространялась также на другие корабли южан, которые совершали с территории Канады (в то время — английской колонии) налеты на торговые суда северян. Англия была вынуждена в 1872 г. оплатить часть предъявленной претензии в размере 15,5 млн долл.³⁴

Большая часть национального богатства США создавалась в международной торговле. И к 1861 г. США сравнялись с Британией по общему тоннажу товаров, перевозимых торговым флотом — из 15 млн тонн общего тоннажа, перевозимого флотом всего мира, 5 млн приходилось на долю Британии и столько же — на Соединенные Штаты³⁵.

В «текстильной войне» перелом начался также с 1861 г., когда США стали вводить протекционистские меры. В 1890-е гг. производство собственных тканей и потребление отечественных текстильных изделий в США превысило импорт из Британии (где в связи с этим развился кризис английской текстильной промышленности). Те же тенденции были характерны для других отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Рост экономики сопровождался экспансией в страны Латинской Америки, вытеснением позиций Британии. К 1912 г. в экспорте стран Латинской Америки США были на первом месте (29,7%), опередив Британию (20,7%). В латиноамериканском импорте Соединенные Штаты также потеснили Англию (25,5 против 24,8%)³⁶.

---

³⁴ Alabama Claims of the United States of America against Great Britain // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XXIX. United Nations. N.Y., 2011. P. 125–134

³⁵ Fuller H.J. Op. cit., P. 68.

³⁶ Balmer-Thomas V. The Economic History of Latin America Since Independence. Cambridge, 2003. P. 74–76.

Изменению соотношения сил в пользу США соответствовали политические и дипломатические уступки Британии. В «мирных» отношениях горечь утери британцами важнейших стратегических позиций подслащивалась пилюлей «особых отношений» между этими странами (лозунг, который до сих пор используется их политиками и экспертами). Почувствовав свою уязвимость, пишет известный исследователь П. Кеннеди, британская внешняя политика с 1865 по 1939 г. по отношению к Соединенным Штатам стала преимущественно политикой «умиротворения», т.е. разрешения конфликтов и споров путем компромиссов и признания выдвинутых претензий³⁷.

После удовлетворения британцами «алабамских претензий» в соответствии с решением международного арбитража (Бисмарк назвал это «самым очевидным признаком слабости и упадка Британии»), падение роли Англии в Западном полушарии отразилось на ее пассивной позиции во время испано-американской войны 1898 г. Еще до ее начала в 1897 г. премьер-министр Р. Солсбери заявил о том, что Британия не будет возражать против приобретения Гавайских островов и Филиппин Соединенными Штатами³⁸. Некоторое время Лондон «поупрямился» в отношении Кубы, предлагая придать острову (тогдашней колонии Испании) статус доминиона. В посланиях англичан Госдепу США и Конгрессу в начале апреля 1898 г. указывалось, что война в условиях, когда Испания объявила о прекращении боевых действий против повстанцев, боровшихся за независимость Кубы, будет рассматриваться мировым сообществом как «нелегитимная»³⁹.

Однако с началом войны 23 апреля Лондон безоговорочно поддержал США. Лидеры Демократической партии США, находившиеся в этот период в оппозиции, предположили даже, что между правительствами двух стран был заключен секретный договор, по которому Британия согласилась поддерживать США в обмен на поддержку Англии в ближневосточных делах⁴⁰. В Европе многие деятели открыто возмущались тем, что Англия «поощряет империалистические амбиции США»⁴¹. Невзирая на протесты в своем собственном парламенте, лидеры английских консерваторов, находившихся тогда у власти, А. Бальфур и Н. Чемберлен открыто призывали к заключению военного союза с США, а А. Грей (4-й граф Грей) ратовал за передачу британского флота Соединенным Штатам на правах аренды⁴².

---

³⁷ *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy, 1870–1945: Eight Studies. London, 1983. P. 16, 21–24.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Neale R.G.* British-American Relations during the Spanish-American War: Some Problems // *Historical Studies: Australia and New Zealand*. 1953. Vol. 6. No. 21. P. 79.

⁴⁰ *Tyler D.* John Hay: From Poetry to Politics. N.Y., 1933. P. 188–189.

⁴¹ *Neale R.G.* Op. cit. P. 75.

⁴² *Olcott C.S.* The Life of William McKinley. Boston; N.Y., 1916. Vol. 2. P. 130.

Шагом, знаменующим падение роли Британии, стало признание Лондоном «прав» Вашингтона в урегулировании пограничного спора между Венесуэлой и Британской Гвианой в 1899 г. За 60 лет до этого британцы установили границу между Британской Гвианой и Венесуэлой по так называемой «линии Шомбурга», прихватив себе значительные земли, что нередко приводило к пограничным конфликтам. Притязания Лондона еще более усилились с открытием месторождений золота и распространились вплоть до устья р. Ориноко. В конце 1880-х гг. Британия «откусила» еще более 200 тыс. кв. км от территории Венесуэлы и отказалась признавать наличие спорных территорий.

В 1887 г. венесуэльское правительство разорвало дипломатические отношения с Великобританией и обратилось за помощью к США. Президент Г. Кливленд в 1895 г. предложил англичанам предоставить услуги по разрешению конфликта посредством арбитража и вынудил их принять американские условия. В феврале 1897 г. в Вашингтоне был подписан Арбитражный договор, согласно которому председателем третейского суда стал российский профессор Ф.Ф. Мартенс, который приступил к работе в Париже. В итоге слушаний была удовлетворена большая часть английских претензий, оставлена в силе «линия Шомбурга», но часть дельты р. Ориноко, где располагались золотодобывающие предприятия США, оставлена за Венесуэлой. Сам факт подчинения Британии решениям международного арбитража под эгидой США снижал авторитет и влияние Лондона и резко повышал престиж Вашингтона⁴³.

Очередной ступенью «по лестнице, ведущей вниз», стал отказ Британии от своей предварительно оговоренной 50%-ной доли в будущем Панамском канале. В 1899 г. сенат США ассигновал 115 млн долл. на постройку канала (его предполагалось проложить по территории Никарагуа). В то же время Вашингтон добивался от Британии отказа от претензий на совместное управление каналом. В итоге в 1901 г. вместо договора Клейтона—Булвера (1850) был заключен договор Хей—Паунсфота, согласно которому США получили исключительное право на сооружение данного канала без участия Великобритании, а также оставляли на свое усмотрение вопрос о создании объектов вооруженной охраны и «нейтралитета» в отношении судов различных стран, проходящих через канал⁴⁴.

Лондон также не стал активно поддерживать Канаду в споре по американско-канадской границе на Аляске в начале XX в. Это было

---

⁴³ *Wagner-Braveboy J.A. The Venezuela-Guyana Border Dispute: Britain's Colonial Legacy in Latin America. N.Y., 2019.*

⁴⁴ *Major J. Prize Possession: The United States Government and the Panama Canal 1903–1979. Cambridge, 2003.*

связано с тем, что президент США Т. Рузвельт неоднократно заявлял, что претензии США на часть территории Канады, примыкавшей к Аляске, гораздо важнее сохранения «дружеских отношений» с Британией⁴⁵. А согласно словам известного сенатора-республиканца Г.К. Лоджа, президент в присутствии двух сенаторов заявил в 1905 г., что «при первых же признаках беспокойства по поводу спорной территории, я готов, не колеблясь, отправить туда американские войска и захватить ее силой»⁴⁶.

Лондон же ограничился заявлением о том, что «военными средствами при любой комбинации великих держав невозможно добиться победы и завоевать США; таким образом, война повлечет за собой полный крах Британской империи и нанесет непоправимый урон англоговорящим народам». Первый лорд Адмиралтейства У. Палмер (2-й граф Селборн) в феврале 1905 г. «утешил» канадцев заявлением о том, что они «вполне способны сами сопротивляться вторжению американцев до тех пор, пока последние не вернутся к праведному здравому смыслу и с ужасом отшатнутся от продолжения агрессивной войны»⁴⁷.

Одним из самых важных эпизодов в англо-американском противоборстве стал вывод британских военно-морских сил из Западного полушария, которое было признано «бесспорной американской сферой влияния»⁴⁸. Резкое сокращение численности войск и военно-морских сил в 1904–1906 гг. в этой, считавшейся издавна британской зоне, стало следствием политики «умиротворения» и стремления заручиться поддержкой Соединенных Штатов накануне Первой мировой войны.

Восьмого июля 1904 г. в Лондоне состоялось заседание «Комитета по обороне империи» (органа по планированию военной политики), в котором было признано «нерациональным» содержание значительных военных сил в Канаде и на Карибах, так как «в случае войны с Соединенными Штатами у нас нет достаточных средств для защиты этих объектов»⁴⁹. Рекомендовалось полностью убрать военные контингенты «из белых людей» с Барбадоса, Тринидада, Ямайки и Бермудских островов. А в октябре было принято решение превратить эскадру в Северной Атлантике в «мобильное соединение» и расформировать

---

⁴⁵ *Clymer K.J.* John Hay: The Gentleman as Diplomat. Ann Arbor (Mich.), 1975. P. 166–167.

⁴⁶ *Adams L.* Brothers Across the Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American «Special Relationship», 1900–1905. London, 2012. P. 99.

⁴⁷ *Tracy N.* Two-Edged Sword: The Navy as an Instrument of Canadian Foreign Policy. Carlton, 2012. P. 23.

⁴⁸ *Kennedy P.* Op. cit. P. 16, 21–24.

⁴⁹ Public Record Office. Minutes of the 48th Meeting of the CID, July 8, 1904 // Wells S.F. British Strategic Withdrawal from the Western Hemisphere, 1904–1906 // Canadian Historical Review. 1968. Vol. 49. No. 4. P. 338.

эскадры в Южной Атлантике и на Тихом океане. Были полностью отозваны корабли, находившиеся в Галифаксе (Канада), на Ямайке, Сент-Люсии, острове Вознесения⁵⁰.

С апреля 1917 г., когда США официально вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты, многолетние соперники оказались союзниками. Однако противоборство продолжалось и после окончания войны. Президент В. Вильсон во время Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. указывал в беседе с адмиралом У. Буллардом на «три главных фактора в соперничестве с Англией – транспортную авиацию, средства дальней связи (радио) и добычу нефти, от которых зависит господствующая позиция в международных отношениях»⁵¹. Он срочно, прямо из Парижа отправил Булларда в США, поручив ему создать главное средство господства Америки в сфере массовой информации – «Радио Корпорацию Америки» (Radio Corporation of America – RCA) с целью закрепления господствующих позиций, захваченных Соединенными Штатами в годы Первой мировой войны в сфере радиопропаганды.

Этот орган сыграл главную пропагандистскую и идеологическую роль в поддержании господствующего положения США в Латинской Америке. После создания в рамках RCA компании «National Broadcasting Company» (NBC) и «Columbia Broadcasting System» (CBS) в 1920-е гг. начался планомерный захват радиорынка Латинской Америки, который достиг апогея в конце 1930-х гг., когда радиостанции в Бостоне, Шенектеди, Сан-Франциско, принадлежавшие Комитету по координации межамериканских дел (во главе с Н. Рокфеллером), покрывали вещанием на коротких волнах всю территорию континента⁵². Англичане пытались ответить созданием знаменитой «Би-би-си» в 1922 г. Однако иновещание в рамках «BBC World Service» стало развиваться лишь с середины 1930-х гг., а передачи на испанском языке для Латинской Америки ввелись только с 1938 г.

Такой же впечатляющей стала победа американцев в транспортной и пассажирской авиации. В 1928 г. на Панамериканской конференции по воздушному транспорту позиция США, навязанная Латинской Америке, состояла в необходимости «обороны Западного полушария», причем эта «оборона» была направлена, прежде всего, против немецкой авиакомпания «Lufthansa» в пользу «Pan American Airways»⁵³.

---

⁵⁰ Admiralty Records. Adm 1/7736, Reports of the Battenberg Committee on Fleet Distribution, November 10, 11, and 29, 1904 // Ibid. P. 340.

⁵¹ Archer G.L. Big Business and Radio. N.Y., 1939. P. 64–165; Howeth L.S. History of Communications-Electronics in the United States Navy. Wash. (D.C.), 1963. P. 368.

⁵² Archer G.L. Op. cit.

⁵³ Butler D.L. Technogeopolitics and the Struggle for Control of World Air Routes, 1910–1928 // Political Geography. 2001. Vol. 20. No. 5. P. 635–658.

Лондон лишь «огрызнулся», отметив, что «гегемония США в воздушном пространстве позволяет им господствовать в военном отношении и бесцеремонно вторгаться в экономику самых отдаленных и богатых стран Южной Америки»⁵⁴.

Авторы 1920–1930-х гг. четко осознавали перелом, происшедший в соперничестве двух держав, и об этом можно судить даже по названию одной из популярных книг того периода, написанной в 1930 г. Д. Ладвеллом, — «Америка завоевывает Британию: веки экономической войны»⁵⁵.

Единственной сферой, в которой соперничество шло «на равных», была нефтедобыча. Однако это уже было противоборство новой эпохи транснациональных корпораций и банков — гигантов, которые в войнах между собой использовали правительства США и Англии, а также и политическое руководство латиноамериканских стран в качестве инструментов и ресурсов для реализации своих целей. Они, как отмечал один из исследователей, «порой рядились в национальные одежды и риторически признавали юрисдикцию своих властей и “национальные интересы” своих стран, но только лишь для получения очередных привилегий»⁵⁶.

Особой была роль американского нефтяного короля Джона Д. Рокфеллера. В январе 1870 г. этот американец, знаменитый и одиозный бизнесмен всех времен, вместе со своим партнером Г. Флаглером основал компанию «Standard Oil Co. of Ohio», которую через некоторое время переименовали в «Standard Oil», распространившую влияние и на Латинскую Америку. Рост этой компании был головокружительным: в 1871 г. ее капитал составлял 2,5 млн долл., а в 1899 г. он увеличился в 50 раз, до 110 млн долл. К рубежу веков трест «Standard Oil» уже охватывал 70 компаний и 23 нефтеперерабатывающих завода. Помимо того, он стал подчинять и другие отрасли экономики и контролировал 25% всего промышленного производства страны. Располагая огромными ресурсами, Рокфеллер фактически подмял под себя власти страны. Исследователь компании и известный профсоюзный деятель Х. О'Коннор пишет о «Стандард Ойл»: «Ее конкуренты были куплены или уничтожены, законодатели и государственные чиновники были “заряжены” взятками (а многие из них также уничтожены); над законами безнаказанно издевались, и все это происходило в условиях зловещего мрака и полной скрытности»⁵⁷. Криминальные методы ведения бизнеса вызвали бурную общественную реакцию, спо-

---

⁵⁴ Times. 1928. January 18.

⁵⁵ Ludwell D. America Conquers Britain: A Record of Economic War. London; N.Y., 1930.

⁵⁶ Nowell G.P. Mercantile States and the World Oil Cartel, 1900–1939. Ithaca (N.Y.), 1994. P. 43.

⁵⁷ O'Connor H. The Empire of Oil. N.Y., 1955.

собствовали принятию антимонопольного законодательства, и трест был вынужден в 1911 г. «разделиться» на 33 «независимых» компании. Основным «наследством» стала холдинговая компания «Standard Oil of New Jersey». Однако это не снизило прибыли Рокфеллера, которые удвоились за несколько лет. Все официально «независимые» компании составляли фактически единую нефтяную империю, самую мощную не только в США, но и в мире.

Тем временем по другую сторону океана под эгидой Ротшильдов была создана англо-голландская компания «Royal Dutch Shell». Она пользовалась крупнейшими тогда в мире нефтедобывающими предприятиями в Российской империи (Баку и Сахалин), а также на острове Суматра. Под руководством Г. Детердинга, прозванного «Наполеоном бизнеса» за предпринимательские успехи, компания приобретала права на новые месторождения, захватывала рынки сбыта, вела на равных борьбу с Рокфеллером в Китае, возводила нефтяные вышки даже в вотчине «Standard Oil» в Техасе⁵⁸.

Важность нефти для государственных интересов США и Англии обуславливалась переходом флота на нефтяное топливо, которое позволяло сократить на несколько сотен людей технический персонал каждого корабля, а также резко увеличивало скорость дредноутов и линейных крейсеров, что, по мнению тогдашнего военного министра Британии У. Черчилля, играло решающую роль в боевых действиях⁵⁹. Помимо того, нефтепродукты обеспечивали топливом танки, грузовики, другую армейскую технику в новой для того времени механизированной войне.

Однако это был поверхностный, «националистический» контекст событий. На самом деле «избранные» из финансовых кругов и промышленных, прежде всего нефтедобывающих, трестов и корпораций привели мир к Первой, а затем и Второй мировой войне в погоне за сверхприбылями и стремлении максимально ослабить национальные государства Европы. На повестку дня была поставлена цель создания наднационального «мирового правительства», в котором центральную роль играла бы финансовая «элита»⁶⁰.

Войны между нефтяными гигантами развернулись первоначально в Мексике и с конца 1920-х гг. запылали по всему миру. Компания американского магната Э. Доухини пробурила первую в Мексике нефтяную скважину в 1901 г., затем он создал «Pan American Petroleum and Transport Company» (PAT), в которую вошла «Mexican Petroleum Company» (PEMEX). К 1920 г. PAT стала крупнейшей нефтедобывающей

---

⁵⁸ Gerretson F.C. History of the Royal Dutch. Leiden, 1957.

⁵⁹ Churchill W.S. The World Crisis (1923). N.Y., 1951. Vol. 1. P. 133–139.

⁶⁰ Tramerye P.E. de la. The World Struggle For Oil. N.Y., 1924.

компанией в США, а PEMEX — самой крупной в Мексике (при том что в то время Мексика выдвинулась на первое место в мире по нефтедобыче). При этом компании Доухини сотрудничали с «Standard Oil», заключив ряд картельных соглашений.

С 1901 г. активизировались и англичане. Британский инженер У. Пирсон, приглашенный мексиканским правительством для строительства Теуантепекской железной дороги от Атлантики до Тихого океана, заинтересовался нефтяным бизнесом — и пробуренная его рабочими скважина стала первой точкой коммерческой нефтедобычи в стране. В 1908 г. он создал «Mexican Eagle Oil Company», которая стала известна в Мексике как «El Aguila» и получил концессии на добычу нефти в штатах Чьяпас, Табаско, Веракрус и Кампече.

Правительство П. Диаса поощряло компанию Пирсона (получившего в 1910 г. от английской короны титул «барона Каудрея»), которая, в отличие от американцев, была создана как мексиканская корпорация, и родственники президента, а также его друзья вошли в состав ее совета директоров⁶¹. Кроме того, власти пытались создать противовес компаниям Доухини и могущественной «Standard Oil», которая через свой филиал «Waters-Pierce» фактически захватила в свои руки всю торговлю нефтью и нефтепродуктами в Мексике. Учитывая важную роль нефти в надвигавшейся мировой войне, правительства США и Англии всячески поддерживали «своих» магнатов в нефтяных баталиях⁶². Государственные спецслужбы, дипломатические представительства вкупе с нефтяными монстрами свергали правительства, устраивали перевороты и гражданские войны ради захвата важнейшего сырьевого богатства.

Правительство США сыграло немалую роль в революции, начавшейся в 1910 г. против президента Диаса. Американские нефтепромышленники умело использовали «государственный ресурс», чтобы оттеснить британских конкурентов. Оппозиция «порфириату» (правлению Порфирио Диаса) во главе с Ф.И. Мадеро получила значительную поддержку от США вплоть до того, что повстанцы проходили подготовку на территории Соединенных Штатов. В апреле 1911 г. Диас признал большинство требований революционеров, однако это не спасло его режим — он был вынужден бежать из страны и провел остаток жизни во Франции. Под угрозой физической расправы был вынужден вернуться на родину и его протее, англичанин У. Пирсон, который, как и Диас, уже не возвращался в Мексику, хотя его компания продолжала разработку месторождений. В 1918 г. при посредничестве известного армянского магната Г. Гюльбенкяна он продал акции

---

⁶¹ *Tischendorf A.* Great Britain and Mexico in the Era of Porfirio Diaz. Durham, 1961.

⁶² *Mohr A.* The Oil War. Westport, 1926.

«Mexican Eagle» главному англо-голландскому монстру «Royal Dutch Shell». В Мексике основная борьба с 1912 г. развернулась между рок-феллеровским и ротшильдовским гигантами.

Благодаря начавшейся революции, спонсированной Вашингтоном, изменилось соотношение сил в нефтяной отрасли Мексики: если в 1911 г. инвестиции американцев составляли 38,5%, а англичан 61,5%, то в 1914 г. пропорция коренным образом изменилась в пользу США — 58 и 42% у англичан. Из 213 компаний на нефтяном рынке страны в 1913 г. мексиканцы формально контролировали 87, американцы владели 96 и англичане 28 фирмами⁶³.

Пришедший к власти в 1911 г. Мадеро не оправдал надежд американцев и продолжал политику лавирования между нефтяными гигантами, в частности встретился с Пирсоном и пообещал поддержать «Mexican Eagle». Тогда была быстро сколочена консервативная оппозиция во главе с генералом В. Уэрттой, которая произвела в 1913 г. вооруженный переворот, захватила в плен и расстреляла законного президента и вице-президента Суареса. Дальнейшие кровавые, драматические события Мексиканской революции (диктатура Уэрты, захват американцами Веракруса, арест Уэрты в Нью-Мексико и его смерть в американской тюрьме, мексиканская экспедиция генерала Першинга, героическая борьба П. Вильи и Э. Сапаты, приход к власти В. Каррансы и А. Обрегона) также были самым тесным образом связаны с «нефтяными войнами».

Англичане были вынуждены уступить в Мексике. Так, Адмиралтейство заключило контракт с «Mexican Eagle» на 200 тыс. тонн нефти, но с 1914 г. было вынуждено сократить поставки, ссылаясь на «низкое качество сырья». На самом деле Лондон в условиях мощного давления со стороны США решил переориентироваться на добычу нефти на Ближнем Востоке⁶⁴.

Турбулентные события Мексиканской революции ничуть не снизили размеры нефтедобычи, хотя компании постоянно жаловались на «развал экономики», который якобы сократил их доходы. Нефтяные монстры уже давно поняли, что любые войны и конфликты, в том числе гражданские междоусобицы, являются лучшими условиями для бизнеса. «Контролируемый хаос», нужда противоборствующих сторон в деньгах для закупки оружия и продовольствия лучше всего стимулируют экспортные поставки нефти, как в нынешнее время доказывают примеры Ливии и Ирака. Если в 1910 г. в Мексике добывалось

---

⁶³ Meyer L. Mexico and the United States in the Oil Controversy. Austin, 1977. P. 8–10.

⁶⁴ Snyder D.A. Petroleum and Power: Naval Fuel Technology and the Anglo-American Struggle for Core Hegemony, 1889–1922. PhD thesis. Texas University, 2001. P. 185–192, 227–229.

лишь 3,6 млн баррелей сырой нефти, то в 1911 г. добыча возросла до 12,5 млн, в 1914 г. — 26 млн, а в рекордном 1921 г. — до 193,4 млн баррелей. При этом нефтяные магнаты всюду пользовались военным положением и разорением страны для того, чтобы не платить налоги. Так, в 1912 г. поступления от нефти в мексиканскую казну составили менее 1% от доходов и лишь после прекращения войны в 1922 г. достигли более-менее реального уровня в 31%⁶⁵.

Жестокая конкуренция между «Standard Oil» и «Royal Dutch Shell» сопровождалась хищническим разграблением сырьевых богатств, полным пренебрежением к экологическим нормам и быстро привела в 1920—1930-е гг. к истощению ресурсов. Оставив после себя разоренную пустыню монстры перекинулись на другие, еще не освоенные «площадки», неся войны (кровавопролитная Чакская война между Боливией и Парагваем в 1932—1935 гг.), разорения, государственные перевороты и гражданские конфликты в Венесуэле, Аргентине, Чили и других странах Латинской Америки.

В целом же ко времени Первой мировой войны Соединенные Штаты обошли Британию в экономических отношениях в большинстве стран Латинской Америки, и совокупные показатели Англии держались на относительно хорошем уровне только за счет торговли с Аргентиной — последним рынком на континенте, где еще сохранялось британское влияние. После экономического кризиса 1930-х гг. британское влияние на Латинскую Америку стремительно сокращалось, и это падение продолжилось после Второй мировой войны.

С потерей аргентинского рынка после Фолклендской войны 1982 г. британские торгово-экономические связи с Латинской Америки достигли своей низшей точки⁶⁶, и большинство нынешних английских экспертов убеждено в том, что «вывод британского капитала из региона носит не временный, а постоянный и долгосрочный характер»⁶⁷.

В политике по отношению к Латинской Америке рост могущества США сопровождался укреплением «панамериканизма» под эгидой Вашингтона, а также ужесточением «доктрины Монро», принятием «поправок Т. Рузвельта» в 1904 г., допускающим вооруженное вмешательство во внутренние дела региона «для наведения порядка», а также высказанным в 1919 г. стремлением В. Вильсона распространить эту доктрину на весь мир⁶⁸.

---

⁶⁵ The Mexican Yearbook. Wash. (D.C.), 1913. P. 309; Meyer L. Op. cit. P. 8.

⁶⁶ Britain and Latin America: A Changing Relationship. P. 98.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ The North American Review. 1920. Vol. 212. No. 780. November. P. 590.